

18+

Невеста на один день

Это временно. Мы клянемся.

ЛОРЕН ЛЭНДИШ

Запретное желание

Лорен Лэндиш

Невеста на один день

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лэндиш Л.

Невеста на один день / Л. Лэндиш — «Издательство АСТ»,
2021 — (Запретное желание)

ISBN 978-5-17-154419-5

Я Поппи Вудсток. Писательница и искренняя сторонница «Долго и счастливо». Творческий ступор, накрывший меня после первого успешного романа, должен быть моим самым большим беспокойством, но... Затем я врезаюсь в него – буквально – и падаю в самую великолепную пару голубых глаз, которую когда-либо видела. Коннор Брэдли. Вор, бунтарь... и мой новый сосед. Один его промах, и моя жизнь становится более странной, чем любая книга, которую я когда-либо писала. Чтобы заставить его помочь мне, я импульсивно говорю его матери, что я его невеста. И почему-то он охотно берет мои проблемы на свои широкие плечи, рыча на любого, кто стоит у меня на пути, чтобы уложиться в срок. Он переворачивает мой мир с ног на голову, пробуждает во мне вдохновение и требует моего тела такими способами, о которых я и мечтать не могла. Несмотря на все это, я задаюсь вопросом... Существует ли концовка «Долго и счастливо» в реальной жизни? В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-154419-5

© Лэндиш Л., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лорен Лэндиш

Невеста на один день

Lauren Landish
One Day Fiance

Печатается с разрешения автора и Starlight Press

Copyright © 2021, Lauren Landish

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Гомонова Ф., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Коннор

Десять лет назад

Сводчатый мраморный потолок отлично отражает звук. Я как-то уронил на пол ручку, и все обернулись, словно на выстрел из пистолета.

Из-за царящей здесь полной тишины работать в Музее изящных искусств трудно. Я тут самый молодой посетитель, если не считать двух светловолосых мальчишек, которых молодая женщина – явно их мать – привела сюда во время занятий в школе.

Впрочем, эти двое точно предпочли бы оказаться сейчас в любом другом месте, даже подбирать какашки за собакой и то было бы интереснее. Даже за соседской собакой.

Но мамаша полна решимости. На вид она уже готова зарычать от раздражения: разговаривать с мальчишками – все равно что с кирпичной стеной, но женщина продолжает экскурсию.

– А это портрет короля Шотландии Роберта Первого, – монотонно читает она подпись под картиной. – Он известен тем, что... Тимми!

– Что? – Тимми не отрывает глаз от телефона. Я-то вижу экран, в отличие от его матери, и мне очевидно, что те красоты искусства, которые Тимми сейчас рассматривает, могут заинтересовать разве что пластического хирурга. Гормоны уже щекочут его чресла. – Мам, ну пойдем уже. Я могу просто погуглить все, что нужно для домашнего задания.

– Правда, мам, – хнычет его младший брат, которому еще не интересны девочки, но искусство уже надоело. – Ты обещала, что через два часа мы пойдем в «Макдоналдс», а уже прошло часов пять!

Этого быть не может, разве что они пришли в восемь утра, в чем я сильно сомневаюсь. Но мать уже почти готова поддаться на уговоры, и я решаю вмешаться, сам не знаю почему. Подвинувшись ближе, я прислоняюсь к бронзовому поручню, отделяющему посетителей от экспонатов, и прочищаю горло.

– Вообще-то ваша мама права: тут страшно интересно.

Мелкие смотрят на меня, как будто я сумасшедший, их мать бросает внимательный взгляд в мою сторону: я вроде пытаюсь ей помочь, но она меня не знает, и инстинкты мамы-медведицы заставляют ее насторожиться.

Но ей нечего меня бояться.

– Я серьезно. Посмотрите только на этого Роберта. Правда, его обычно звали Роберт Брюс. Забудьте про Храброе сердце, этот парень был крут, как яй... я хочу сказать, он был настоящий вождь и воин. Он дрался на мечах, выигрывал сражения против превосходящих сил противника и вообще стал королем всего на свете. Не знаю, как вам, а мне кажется, что это очень круто.

– Правда? – Тимми немного опускает телефон, и я киваю в ответ.

– Про него есть одна легенда. Больше десяти лет он боролся за свою корону и за независимость Шотландии, и наконец в битве при Баннокберне у него появился шанс окончательно избавиться от английской угрозы. У вражеской армии был численный перевес, но Роберт все равно повел своих воинов в бой. Во время битвы он остался один, его латы были разбиты, щит потерян. Его войско уже готово было бежать. У него остался только боевой топор. Внезапно английский рыцарь в полной броне поскакал прямо на Роберта, нацелив копьё в его сердце. А теперь представьте себе, стоите вы в полном изнеможении, руки-ноги дрожат после

чертовски тяжелого боя, и тут на вас прет что-то вроде средневекового аналога Железного человека на танке.

– Я б, наверное, обосрался, – говорит один из мальчишек. Я смеюсь в ответ:

– Я тоже. Но Роберт не отступил, он увернулся от удара и свалил английского рыцаря с коня. Здесь как раз нарисован этот момент. После такого подвига его войска опомнились, отбросили англичан и выиграли битву.

Мелкие слушают, затаив дыхание, а мамаша беззвучно произносит «спасибо». Я киваю ей и пожимаю плечами, обращаясь к мальчишкам:

– Это, конечно, не «Наруто», но мне кажется, даже круче, потому что этот парень был настоящий.

Я направляюсь прочь, но через пару шагов мамаша догоняет меня:

– Спасибо вам.

– Рад быть полезным, – шепотом отвечаю я, глядя на мальчишек, которые с интересом читают табличку под следующей картиной. – Я бы на вашем месте посоветовал Тимми поискать нужную информацию в телефоне, чтобы он поделился с вами и братом. У него голова и пальцы будут заняты, а вы меньше устанете.

Мамаша смотрит на меня восторженными глазами и спрашивает, не проведу ли я «личную экскурсию», но замужние дамы меня не интересуют. Моя цель – женщина в углу, которая наблюдает за этой сценкой, не забывая приглядывать за посетителями и экспонатами.

– Не могли бы вы помочь мне хоть немного, ну хоть десять минут? – настаивает мама мальчишек.

У меня нет лишних десяти минут, но я все же соглашаюсь и рассказываю им еще про две картины, включая ту, ради которой они пришли в музей. Наконец мамаша с явным сожалением заявляет, что им пора идти. Уходя, она оборачивается, еще раз беззвучно выговаривает «спасибо», а я киваю и небрежно пожимаю плечами, как будто это был пустяк.

На самом деле это не пустяк. Для меня, так сказать, открылась нужная дверь. Я и сам не смог бы спланировать все лучше. Чувствуя чье-то присутствие за спиной, я оборачиваюсь и обнаруживаю ту самую женщину, которая стояла в углу. Она улыбается:

– Bravo. Я так рада, когда кому-то удастся заинтересовать подрастающее поколение искусством. Вы волонтер? Или учитесь в ближайшей школе?

Дальше я могу все разыграть парой способов. Можно включить обаяние. Если бы я хотел, чтобы эта женщина сегодня вечером забросила ноги мне на плечи, выкрикивая мое имя, это был бы лучший способ.

Но хотя это очень заманчиво, сегодня у меня другая цель. Поэтому я чуть сжимаюсь и сутулю плечи, стараясь держаться на тонкой линии между застенчивостью и уверенностью в себе.

– Нет, просто мне нравятся старинные портреты, особенно кисти английских мастеров.

– Тогда вы слышали о предстоящей выставке? – Женщина явно готова посудачить вместе с таким же фанатом искусства.

Отлично.

– Жду ее с нетерпением. Страшно хочется увидеть картину Россетти своими глазами.

Я держусь слегка смущенно, словно мне неловко говорить о его знаменитой обнаженной Венере. На самом деле мне начхать и на Данте Габриэля Россетти, и на его картины, даже если это самый знаменитый экспонат передвижной выставки.

Что меня интересует, так это музейная подсобка, где находится то, что мне нужно.

– Надеюсь, что смогу прийти снова, когда здесь не будет толпы, – вздыхаю я. – Сами знаете, как трудно изучить картину и оценить все мельчайшие детали, когда кругом полно народа.

Женщина обводит меня оценивающим взглядом. Я стараюсь еще полнее вжиться в роль законопослушного любителя искусства в невзрачной толстовке, который и мухи не обидит. Поправляю фальшивые очки на переносице, неловко улыбаюсь и приглаживаю волосы, хотя и знаю, что под гелем у меня с утра ни один волосок не растрепался.

Она минуту думает и слегка улыбается:

– Думаю, энтузиазм волонтера заслуживает небольшой награды. Идемте со мной.

Черт, все складывается даже лучше, чем я ожидал! Но, как известно, фанату искусства легче всего пробудить сочувствие у другого такого же фаната: они готовы часами триндеть про каждый мазок на картине.

В принципе, я их понимаю. Они как автолюбители с их разглагольствованиями про машины и степень сжатия, или повара с их специями. Но, в отличие от них, я смотрю на все это без эмоций и вижу механику и детали процесса. Ими движет страсть, мною – нечто совершенно иное.

Я направляюсь за сотрудницей музея в задний коридор, делая вид, что понятия не имею, куда мы идем – как будто я не присмотрел заранее все пути отхода. На самом же деле я знаю план здания не хуже, чем заядлый геймер знает все уровни Halo. Поворот направо, и мы наконец подходим к той самой подсобке. Дверь закрывается, мы одни, и женщина благоговейно шепчет:

– Вот она.

Я прикрываю рот рукой, притворно ахнув. Передо мной Венера во всей своей великолепно-наготе... если бы древнегреческая богиня оказалась молочно-бледной, рыжеволосой британкой (не забывая о полурелигиозных мотивах). Но я делаю вид, что передо мной величайшее создание человечества. После горячего бутерброда с сыром, разумеется.

– Она прекрасна.

– Невероятно, правда? – искренне соглашается женщина.

Я смотрю на картину, словно передо мной нечто волшебное. Согласен, это на самом деле одна из величайших картин. Мастерство Россетти и точность в передаче деталей, текстуры волос Венеры изумительны, и я понимаю, чем картина так притягивает людей. Я слегка поворачиваюсь, словно пытаюсь рассмотреть полотно под другим углом, а сам тем временем быстро оглядываю столы и стены.

Ага, я попал куда надо. Здесь собрали картины не для предстоящей выставки, а просто чтобы почистить и заменить рамы. Отлично, это означает, что исчезновение не вызовет вопросов. Все просто решат, что полотно забрал какой-то другой отдел.

Картина маленькая, не больше тетрадного листка, но ее ценность определяется не размером, а тем, насколько сильно ее хотят заполнить.

Пора приступать ко второй части моего плана. Я нажимаю приклеенную к груди кнопку блютуз-наушников. Телефон, спрятанный в моем заднем кармане, звонит на заранее запрограммированный номер. Через секунду в подсобке раздается звонок.

– Странно, – удивляется женщина. – Сюда никогда никто не звонит.

Она неуверенно смотрит на меня, понимая, что мне нельзя здесь находиться. Я широко развожу руки и демонстративно убираю их в карманы. Видите? Я абсолютно безобиден:

– Все в порядке, я никуда не двинусь и ничего не буду трогать. Просто...

Я оборачиваюсь к картине с блестящими глазами.

– Понимаю, – шепчет женщина. – Вернусь через секунду.

Она торопится к телефону. Отлично, секунды мне вполне хватит.

Одним быстрым движением я хватаю маленькое полотно со стола и засовываю плашмя под толстовку в специальный карман на спине, который пришил на случай удачи. Когда женщина возвращается, я внимательно рассматриваю подпись Россетти в углу картины.

– Извините, там повесили трубку.

Я выпрямляюсь, пожав плечами:

– Ничего страшного, я был только рад побыть наедине с богиней красоты.

Женщина улыбается, но тень сомнения не покидает ее лицо. Она вспомнила, что в ее обязанности не входит водить всяких помешанных на живописи чудиков в неохраняемую часть музея. Мне пора уходить, что меня вполне устраивает – задание выполнено.

Почти выполнено. Осталось последнее... убраться без помех.

– Нам, наверное, лучше уйти, пока я не доставил вам неприятности? – негромко интересуюсь я, озираясь, словно кто-то мог зайти сюда, пока она отвечала на звонок.

– Да, пожалуй, так будет лучше.

– Понимаю. Спасибо, что показали картину. Вы сделали мой день. Может, даже месяц или год.

Женщина даже не представляет, насколько это точно, но в голосе ее снова слышится теплота:

– Вы же помогли тем мальчишкам, так что это справедливо.

Я отвечаю еще одной неловкой застенчивой улыбкой и иду за женщиной к главному выставочному залу.

– Еще раз спасибо.

Она уходит, а я неторопливо бреду по залу, задерживаясь, чтобы прочесть подпись под той или иной картиной, и стараясь не вызывать ни малейших подозрений. Перед выходом я снова вижу ту мамашу с ее двумя мальчишками, которые едят обещанные бургеры. Махнув им рукой, направляюсь прочь от музея.

Если они меня вспомнят, то как помешанного на живописи добродушного и дружелюбного чудика.

А не как парня, который только что стащил картину стоимостью в тысячи долларов.

Глава 1

Поппи

«Он взялся за набухший бугор в джинсах, *сжав его, словно обещанное ей сокровище*. “Сейчас я его в тебя засуну, – сказал он. – Тебе понравится”».

Блин. Я перечитываю предложение, с трудом подавляя рвотный рефлекс, и нажимаю на кнопку «Стереть». С минуту дышу ртом, пока желание блевать не проходит.

– Потрясающе. Четыре часа работы, и весь грандиозный результат – это пятьдесят слов? – Я еще раз проверяю счетчик. – Пятьдесят гребаных слов? Офигеть можно.

Надо признать, за последние минут пятнадцать я не написала и этого. Я стучу себя кулаком по лбу, пытаюсь не поддаться желанию стереть вообще все к черту. Текст ужасный, но хоть что-то я выдала. Что-то лучше, чем ничего.

Продолжая убеждать себя в этом, я встаю из-за кухонного «письменного» стола и иду к холодильнику, где беру одну из заранее приготовленных чашечек холодного черного чая. Очень хочется достать вино вместо этого, но календарик на двери холодильника напоминает о приближающихся сроках сдачи книги.

Беспокойства мне и без того хватает. После успеха моей первой книги «Любовь в Грейт-Фоллз» я переоценила свои возможности. Когда издательство «Синяя птица» предложило мне сразу аванс за следующую книгу, я согласилась.

С тех пор я получила два чека и раз сто беседовала со своим агентом. Срок сдачи текста неумолимо приближается, так что, как говаривала моя двоюродная бабуля Ханна, *сдохни – но сделай*. Легко говорить, если тебя не мучает постоянный страх, что твоя вторая книга даже в подметки не годится первой.

Показываю календарiku кукиш, словно во всем виноват он, а не моя неуверенность в себе.

– Подстегни же себя, Поппи. Привет, крайний срок. – Я отхлебываю чай и бросаю взгляд на свой ноутбук. Тот смотрит на меня почти полностью белым экраном. – Или срочный край.

Так, если я начала разговаривать сама с собой, значит, крыша у меня уже поехала. Тихое твяканье с дивана напоминает, что у меня на самом деле есть с кем поговорить.

– Ну почему я не могу писать, как Джей Эй Фокс? – спрашиваю я диван и расположившихся на нем двух белых померанских шпицев.

Их зовут Орешек и Сок, они братья, и достались мне от соседки, которая внезапно обнаружила, что ее собачка вовсе не больна, а просто беременна. Я пообещала ей забрать одного щенка, но каким-то образом один превратился в двух самых жалких малышей из помета. Теперь эта парочка выросла в здоровых пушистиков, сильно смахивающих на белые помпоны. Только большие, активные и шумные.

Орешек, который в эту минуту изо всех сил пытается сделать из братца сестричку, бросает свое занятие и смотрит на меня, улыбаясь собачьей улыбкой. Сок тоже смотрит на меня из-под Орешка пару секунд, а затем проводит прием ближнего боя и скидывает брата. Оба сваливаются с дивана и продолжают свою непрестанную шутиливую борьбу.

– С чего я решила, что от вас можно дожидаться совета?

Сок отпрыгивает от Орешка. Щенки, как всегда, не обращают на меня ни малейшего внимания. Я расправляю затекшие плечи, улавливаю вонь застарелого сыра от подмышек, и на меня снова накатывает тошнота. Я побыстрее прижимаю локти к бокам:

– Вот зараза, да от меня несет, как из сортира!

Это одно из преимуществ писательской профессии. Да, это именно преимущество. Можно сидеть здесь, пытаясь уложиться в срок, и вообще не думать о личной гигиене. И, черт возьми, можно одеваться во что захочешь. На дворе декабрь, и мне хочется закутаться в теплый халат? Да пожалуйста. А если в июле мне вздумается сесть за работу в одних трусах – тоже не проблема.

Но раз уж от запаха начинает тошнить, наверное, пора подумать о хоть каком-то уходе за собой. «Не отвлекайся, – мысленно уговариваю я себя. – Ты и так отлыниваешь от работы, тебе же не на свидание идти».

Так-то оно так, но Орешек и Сок уже поглядывают на меня с явным отвращением, так что придется помыть хотя бы стратегические места – под мышками и между ног. Знаете, когда тебя уже сторонятся даже собаки, которые здороваются, обнюхивая зады друг друга...

К тому же мне предстоит писательская встреча в библиотеке. Если собаки воротят от меня носы, то мои приятельницы просто зальют меня с ног до головы дезодорантом. Аллерия как-то раз именно это и сделала, я потом несколько дней чихала. Противным голосом жрицы вуду она провозгласила, что так мое тело избавляется от токсинов. Но я уверена, что единственными токсинами были тот вонючий дезодорант и пицца-роллы, которыми я перекусила в тот день.

Впрочем, все это не важно. Если я не продвинусь в работе над книгой, мне кранты. Я со смехом думаю, что в этом случае вонять от меня будет еще хуже, но подобная мысль не прибавляет уверенности, и уж точно это не комплимент.

Я возвращаюсь к столу, но тут звонит телефон. Бросаю взгляд на экран, и сердце екает, когда я вижу, кто это. Как говорится, помани черта... Звонит Хильда, мой литературный агент.

Мне не хочется отвечать на звонок. Хильда очень милая, но вряд ли ей понравится, что всю последнюю неделю я впустую барабанила по клавиатуре. Но ничего не поделаешь, придется сказать ей, как обстоят дела.

– Хильда, привет! – нервно отвечаю я. – Как ты?

– А как поживает моя любимая писательница? – осторожно, но не без оптимизма осведомляется она. – Наверное, уже почти готова обрадовать нас следующим шедевром?

Я тру лоб, надеясь чудесным образом пробудить мозги, но ничего не выходит:

– Э... ну, в общем... у тебя когда-нибудь бывал запор целую неделю? Знаешь, когда тужишься, тужишься и никакого результата? Просто ноль на выходе. Вот у меня сейчас вроде того... только с книгой.

Да, мне говорили, что у меня просто дар владения словом.

Хильду тоже проняло, судя по явно слышному «фу» в ее голосе:

– Какая гадость.

Я жду продолжения.

– Слушай, Поппи, срок сдачи книги приближается. Я могу успокоить издательство на какое-то время, если у тебя дело сдвинулось. Но ты мне уже два месяца ничего не показывала.

– Знаю.

– От этой книги многое зависит, – продолжает Хильда, будто я этого не понимаю и не твержу себе всякий раз, когда застреваю. – Репутация – это самое дорогое, что у тебя есть. Издательства всегда готовы работать с автором, который регулярно выдает результат, но если ты их подведешь, они в конце концов откажутся от тебя. Сама понимаешь, что это значит.

Ну спасибо. Можно подумать, она открыла мне глаза.

– Хиль, ты же знаешь...

– Но у меня есть приятная новость, которая должна помочь. Она заставит тебя выйти из дома и придаст вдохновения, чтобы ты разделалась с этой книгой в два счета.

– Что?

Морковка, которую Хильда подвесила перед моим носом, заставляет насторожиться. Не то чтобы я ей не доверяю, но понимаю: она пойдет на все, чтобы довести меня до финишной прямой. Независимо от того, понравится мне это или нет. В первую очередь она агент, и если я провалюсь, то и она тоже.

– Слушай, Поппи, я только что узнала, что освободилось место на литературном обеде с Джей Эй Фокс. Одна из участниц забыла, что секс ведет к появлению детей, хотя сама постоянно пишет любовные романы со случайными беременностями.

Ух ты! Мне, конечно, жаль авторшу, но... речь идет об обеде с Джей Эй Фокс. С самой Гранд Дамой Любовных романов. С величайшей из всех. Последние несколько лет она регулярно проводит творческие встречи-обеда с начинающими авторами любовных романов, рассказывает о своей блестящей карьере, дает советы и подписывает экземпляры своей последней книги. Газета New York Times уже объявила бестселлером ее последний роман «Похититель картин». К тому же она обещает продемонстрировать редкий портрет красивой женщины под названием «Черная Роза», который и вдохновил ее на эту книгу.

Услышав об обеде, я немножко размечталась... ладно, не так уж немножко.

– Ты еще не совсем доросла до подобной встречи, но я добилась, чтобы освободившееся место отдали тебе, потому что ты живешь неподалеку... – Хильда тут же поправляет себя. – Я знаю, что ты ее горячая поклонница, и подумала, что это будет тебе наградой за то, что заканчиваешь рукопись. Хотя, наверное, это не такая уж хорошая идея, поскольку ты не сильно-то продвинулась? Хм-м.

Я слишком возбуждена, чтобы обращать внимание на легкий выпад в начале или обижаться на отсутствие веры в меня. Я всегда мечтала встретиться с Джей Эй Фокс и всегда считала ее примером для себя. Она этого не знает, но она моя вдохновительница, наставница и путеводная звезда. Каждый раз, когда моя уверенность в собственных силах падает, я напоминаю себе, что раз Джей Эй Фокс смогла всего добиться, смогу и я. Когда речь заходит о книгах, я говорю себе, что если Джей Эй Фокс смогла, то смогу и я. Когда речь идет о писательстве, я спрашиваю себя: а как бы поступила на моем месте Джей Эй Фокс? Что сделала бы Джей Эй Фокс?

«Хватит лирики, Поппи», – напоминаю я себе и отвечаю:

– Хильда, боже мой! Разумеется, я пойду на встречу. Это именно то, что придаст мне силы закончить книгу. Ты самая лучшая, люблю тебя! Если, конечно, я попаду на этот обед.

Хильда выразительно фыркает:

– Ты не меня любишь, а то, что я могу сделать как агент. А стоило бы любить и меня саму, раз уж я терплю твои причуды и чокнутый характер и выставляю тебя перед издателями как милую и эксцентричную особу.

– Ты же знаешь, что я и за это тебя люблю. Ты потрясающая!

– Поверю на слово. Если ты готова любить меня за сухую куриную грудку без соуса – флаг тебе в руки. Для тебя это уникальный шанс, может, часть таланта Джей Эй Фокс перейдет тебе, и ты все же закончишь книгу.

Похоже, Хильда еще не готова ослабить давление. Она заставила бы попотеть даже инструктора морских пехотинцев.

– Так что не опаздывай и постарайся выглядеть на все сто. Хотя бы душ прими и приведи в порядок волосы.

Она слишком хорошо меня знает. Или от меня уже так несет, что запах можно учуять даже по телефону?

– Все сделаю, – обещаю я, перекрестившись, хотя Хильда меня не видит. – Слушай, мне нужно закончить главу или даже две, если удастся, а потом у меня назначена встреча. Но душ я приму. Обязательно!

– С мылом?

– Ну конечно, обещаю. – Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не запрыгать от восторга. Я иду на встречу с Джей Эй Фокс! – Пойду постучу по клавише, а потом вымоюсь с ног до головы. Обещаю!

– Смотри не подведи.

Хильда кладет трубку. Я обещала дописать главу, но, глянув на часы, вижу, что работа подождет. Времени едва хватит, чтобы выгулять Орешка с Соком и не опоздать в библиотеку. Но сначала я наскоро принимаю душ, натираясь гелем с ароматом корицы, как обещала, и одеваюсь.

Вещи выбираю самые простые – джинсы и мешковатый свитер, чтобы скрыть отсутствие бюстгалтера – и вывожу собакенов из дома. Я бы предпочла выгулять их на заднем дворе, но он такой крохотный, что там едва помещается столик для пикника и маленький гриль. К тому же там нет травы. Так что приходится выгуливать их перед домом, но малыши отлично знают, где проходит невидимая граница с улицей.

Оглядывая округу, я в который раз думаю, как мне повезло. Я живу в тихом районе в окружении небольших двух- трехкомнатных домиков. Перед каждым – ухоженный газон, вместительные парковочные места и забавные почтовые ящики, выражающие индивидуальность хозяев. Улица не тупиковая, но ее пересекает только один тупиковый переулок, а выезд из квартала находится в противоположном конце, так что можно спокойно гулять, бегать или кататься на велосипеде прямо посреди дороги.

Переезжая сюда, я не знала, что население здесь почти исключительно женское. Несколько девушек вроде меня, которые купили свой первый дом – эдакие бизнеследи мелкого пошиба; и довольно много разведенных, которые решили найти что-то поменьше и подешевле после развода. Я их понимаю: минимум расходов на содержание дома, безопасный район и рядом парк, где можно встретиться с бывшим и передать детей.

Рене, которая живет через четыре дома от меня, именно так все и объяснила. По договоренности с мужем она берет детей на две недели в месяц. Детишки очень милые. Ее сын Кайл даже предложил мне прошлым летом выгуливать померанцев, и ему по большому счету даже удалось справиться с ними. Орешек постоянно тянет за поводок, а Сок просто ложится на землю и отказывается идти дальше. При этом оба категорически не хотят разлучаться и гулять по одному.

А еще здесь есть несколько пожилых женщин. Одна из них, Хелен, вырывает меня из мечтаний, в которых Джей Эй Фокс на обеде восхищается моей работой и говорит, что я напоминаю ей, как начинала она сама.

– Смотри куда прешь, чертов придурок!

Она что, о моих собаках? Но Орешек присел по своим делам на газоне, а Сок деловито пишет на круглый камень, под которым я храню запасной ключ от дома, так что это явно не к ним.

Я оборачиваюсь и вижу, что моя сумасбродная соседка орет на фургон у ее дома. Похоже, она переезжает, судя по снующим туда-сюда грузчикам. Хелен за шестьдесят, она одинока, и у нее зычный голос матерого водилы-дальнобойщика. Но ко мне она относится хорошо и любит посплетничать о драмах нашего района. Я несколько раз делала ее прототипом колоритных бабуль в своих книгах, разумеется, с некоторыми изменениями.

– Хелен! – удивленно ахаю я. – Ты что, переезжаешь? А мне почему не сказала?

– Все случилось так быстро, что не было времени забежать к тебе поделиться новостями, – усмехается она, подходя ко мне. – Помнишь, в прошлом месяце я ездила к дочери посмотреть на мою первую внучку?

Я киваю, вспомнив сотни фотографий малышки, которые мне гордо демонстрировала Хелен. Очень милая девочка, но младенцы все похожи друг на друга. Пухленькие, с припухшими веками, спящие или вопящие комочки с крохотными ручками и ножками вокруг круг-

лого животика. Очень милые, и в то же время... не особо. По крайней мере, чужие младенцы милыми не кажутся.

– Ну конечно, помню.

– Так вот, дочка позвонила на прошлой неделе и сказала, что у них по соседству выставили на продажу маленький домик. Для меня идеальный вариант – бунгало с одной спальней, да еще совсем рядом с моей крошкой. Не такое маленькое, чтобы повернуться было нельзя, но и не слишком большое, чтобы замучиться с уборкой. Я его тут же купила. Оформила все за неделю, а этот дом продала инвестиционной компании.

Она щелкает пальцами:

– Оп-ля! Сваливаю из этой конуры!

Новость поразила меня куда сильнее, чем я думала. Мне всегда нравилось болтать с Хелен, и я ценила ее советы. Но в то же время я ее понимаю. Ей хочется жить поближе к долгожданной внучке. Так что я просто молча обнимаю ее.

– Хелен, я так рада за тебя. Но я буду по тебе скучать! А ты не знаешь, кто сюда въедет?

Ее дом – один из самых больших на улице, в нем три спальни и очень просторно. Он может понравиться легкому на подъем одиночке, работающему дома, как я... или семье с детьми.

Хочется надеяться на первый вариант или, в крайнем случае, на семью без шумных детей или закатывающих вечеринки подростков. Я и так отстала от графика.

Еще хуже ловить на себе взгляды чужих мужей, обнаруживших, что я – автор книжки, которую они читают тайком и ни за что в этом не признаются. Один тип заявил, что прочитал мою книгу, купленную его бывшей подружкой, и я определенно знаю толк в минете. Как насчет того, чтобы попрактиковаться с ним?

Спасибо, но такого мне не надо. Я хотела бы спокойного, тихого соседа, который не мешал бы мне сосредоточиться на работе.

Наверное, я слишком привередлива, вот и жалею, что Хелен уезжает.

– Не знаю, кто сюда въедет, но у тебя все будет в порядке, милочка, – ободряет соседка. – Ты спокойная, с тобой легко поладить.

Похоже, у нее проблемы со слухом, иначе она бы знала, что я частенько разговариваю сама с собой или ору на Орешка с Соком. Но по сравнению с шумными детьми и вечеринками по соседству я точно не худший вариант.

– Дай-ка я тебя на прощание еще раз обниму, – говорю я, и Хелен смеется, когда Орешек пристраивается к ее ноге со своим собственным вариантом «объятий». – Орешек, немедленно прекрати! Этот пес готов трахать любую встречную ногу!

– Ну, по крайней мере, хоть кому-то я еще кажусь привлекательной, – смеется Хелен. – Всего хорошего, милочка.

Помахав на прощание, я загоняю собак в дом и бегу к машине. Уже опаздываю.

Глава 2

Поппи

АХХ.

Наверное, это не самый удачный акроним в мире, но нам подходит, думаю я, взбегая по ступенькам на второй этаж публичной библиотеки Грейт-Фоллза. Хотя надо признать, название «Авторки Художественной Хренописи» не очень-то хорошо смотрится на официальных бланках.

Когда кто-нибудь спрашивает, что это такое, мы объясняем, что это хрип, который издают заядлые курильщики. Такая вот странная команда женщин, но они – мое племя.

Алерии всего тридцать, но она у нас самая старая. Блондинка, часто босая и, наверное, голая под своими летящими юбками. Обожает вставлять социальный подтекст во все, что говорит, делает или пишет. Она помешана на магии природы, внутренней силе и атрибутах здорового образа жизни типа медитации, кристаллов и чайного гриба. Мы не раз ловили ее на попытке навести на нас чары. Алерия уверяет, что хочет защитить нас от «черной магии патриархальной капиталистической системы, высасывающей из нас силу женского начала». Оную систему представляют закабаляющие контракты наподобие того, который ее убедили подписать как начинающей романистке.

Разумеется, Алерия пишет альтернативные фантастические романы с изобретательными сценами группового секса, которые способны открыть перед вами уникальные возможности, даже если вы никогда не встретите одновременно вампира, оборотня и эльфа.

Дейша – девушка бойкая, но при этом самая прагматичная из нас. У нее есть высшее образование: диплом бакалавра колледжа Спеллман и магистра Колумбийского университета, так что она нас всех строит. Если спросить ее мнение, то нужно быть готовой, что получишь максимально честный ответ. Ах, тебе обидно? Подумаешь! Она сама признает, что подобный подход частенько приводит к проблемам, но ей плевать. Дейша специализируется на мрачной романтике.

Жасмин – вечно саркастичная, остроумная и эксцентричная особа, которая мечется между научной фантастикой и научно-фантастической эротикой. Она моложе остальных, еще учится в колледже и перекрашивает волосы в новый цвет с каждой новой книгой, частенько это намек на основную тему будущего романа. Когда Жасмин писала книгу о вселенной типа Матрицы, ее волосы стали неоновозелеными. Судя по тому, что сейчас она натуральная блондинка, какой и уродилась, у нее перерыв между книгами.

Самая шумная среди нас, пожалуй, Бекка. Можно сказать, она у нас чирлидерша. И неслучайно: колледж Бекка закончила благодаря спортивной стипендии чирлидерши. Поскольку она тусуется как в кругу избранных, так и за его пределами, Бекка отлично освоила умение бурно реагировать на любую тему. В кофейне «Космический олень» закончился ее любимый сорт кофе? Катастрофа! В какой-то далекой стране приключился ураган высшей категории опасности? Такая же катастрофа.

Но основной талант Бекки – профессиональный возмутитель спокойствия. Она умеет заводить людей и если когда-нибудь попадет в Голливуд, куда так стремится, то станет режиссером. Бекки превосходный манипулятор, и ее романтические комедии всегда полны затейливых интриг. Я уверена, что она вполне способна написать и снять двадцать сезонов сериала и при этом все равно ухитрится каждую неделю поддерживать интерес зрителей всякими «О боже, с кем переспал Джейсон?» и «Он умер от того, что ему на голову упал кокосовый орех».

– Дамы, привет, – говорю я и обнимаю всех по очереди.

Готова поклясться, что Алерия при этом тайком принюхалась. Слава богу, что я приняла душ и вымыла волосы.

– Надеюсь, ты сегодня использовала по максимуму свои восемьдесят шесть тысяч четыреста секунд? – спрашивает Алерия обычным легкомысленным тоном. Так она ненавязчиво напоминает, что не следует валять дурака, когда дедлайн на носу, иначе я узнаю, что на самом деле думает обо мне издательство.

– Не уверена. – Я сажусь и вытаскиваю из сумки ноутбук. – Но у меня отличная новость. Моя агент добыла мне место на предстоящем семинаре с Джей Эй Фокс.

Что мне особенно нравится в нашей АХХ-группе, это что в ней нет завистниц. Все радостно восклицают, а Дейша добавляет:

– Ах ты, везучая сучка, теперь тебе точно нужно приниматься за работу, чтобы было что ей показать. Итак, обычные двадцать минут, дамы? Поехали.

Спринт-сессия – одно из упражнений на наших встречах. Двадцать минут мы просто печатаем все, что в голову придет, наплевав на грамматику, орфографию и прочие мелочи.

Но у меня проблемы. Я смотрю на клавиатуру и не могу выдать ни одного слова. Я уже неделю как застряла на любовной сцене в «Неприятностях в Грейт-Фоллз». Писала, стирала написанное, переписывала эту гребаную сцену столько раз, что у меня в прямом смысле руки заболели. И что? Да ничего, в том-то и дело!

Основная проблема – это мои главные герои, Эмбер и Райкер, и та чушь, которую они произносят. Они разговаривают, как роботы, а я теряюсь в догадках, почему мне на них глубоко наплевать? А если они не интересны мне, то читателям и подавно.

Сцены секса даются особенно трудно. Не потому ли, что уже почти год у меня если и был секс, то только с вибратором из тумбочки. Серьезно, я уже начинаю забывать, что это такое.

В этом-то и проблема. Автор должен знать или хотя бы исследовать предмет, о котором пишет. Если честно, Порнохаб уже не обеспечивает того вдохновения, что раньше.

Кроме того, неужели люди на самом деле занимаются сексом в самых странных местах? Например, на беговой дорожке, когда есть удобный диван или ковер на полу? Ковром, конечно, можно натереть кожу, но перспектива свалиться членом или сиськами прямо на жужжащее полотно дорожки совершенно не возбуждает. К тому же это прямая дорога в неприличные интернет-мемы.

– Наверное, мне нужен секс.

Над столом повисает тишина, все внезапно прекращают печатать, и я, к своему смущению, понимаю, что сказала это вслух.

– Дерьмо.

– Нет, это уже чересчур, – ежится Жасмин. – Даже я его в свои секс-сцены не включаю.

Я не смеюсь, и она спрашивает:

– Что с тобой?

Я со стоном откидываюсь назад:

– Не хотела говорить это вслух, но проблема в том, что я застряла! Похоже, мне нужен доброволец, чтобы провести с ним исследования.

– Нетушки! – Дейша показывает на меня с Жасмин. – Спринт-сессия еще не закончилась. Обсуждать отсутствие поцелуйчиков и потрахушечек в жизни Поппи будем через шесть минут.

Никто не спорит, и все опять опускают головы. Дейша всегда такая сосредоточенная, а вот я просто бесцельно барабаню по клавишам. Такого писательского блока у меня еще никогда не было! Я не способна написать сцену так, чтобы она возбудила даже меня.

Я понимаю, что, помимо отсутствия секса, есть и другая причина, почему я не могу писать. Заключив авансовый контракт с «Синей птицей», я взяла на себя слишком много обя-

зательств. Я должна выдать сногшибательную книгу, потому что от этого зависит вся моя будущая карьера.

Из-за стресса и нежелания мыться я несколько раз за последнюю неделю покрывалась какой-то сыпью, а сон вконец разладился. Внезапно, чтобы закрутить гайки еще сильнее, воображение подкидывает новый повод для тревоги: что, если на этом обеде с моим кумиром и другими писателями они меня засмеют?

– Время вышло, – прерывает мой внутренний диалог Дейша. – Итак, возвращаемся к действительно важным проблемам: Поппи не с кем перепахнуться.

– Вот, смотрите. – Я разворачиваю ноутбук, показывая последние страницы чепухи, которую я накропала после того, как все на фиг стерла. – Я старалась.

Бекка прищуривается и плюхается на стул, поняв, где я застряла:

– О боже мой, только не говори, что застряла на том, как они трахаются?

Жасмин хмыкает и раздраженно ерошит свои светлые кудри:

– Пока ты клевала клавиши, я описала космическое сражение, временную петлю и как звезда класса G буквально заставила нашу героиню взорваться в оргазме.

– Тебе легко говорить! – рычу я, защищаясь. – Над тобой не висит контракт на шестизначную сумму на том основании, что твоя будущая книга может заинтересовать «Нетфликс». И агент не напоминает каждый день, что ожидается астрономический доход от продаж, поклонники не засоряют электронную почту пожеланиями по сюжету. А герои не разговаривают, как роботы и не несут всякую чушь наподобие «войди в меня своим большим членом, чтобы я почувствовала тебя всем нутром».

Жасмин закатывает глаза:

– Ну конечно, как же не напомнить нам, что мы простые трудяги, а ты избранная, которую ожидает жирный куш.

– Извини, я не это хотела сказать...

Жасмин с усмешкой поправляет очки на носу, которые, когда она хочет, превращают ее из секс-бомбы в простую соседскую девчонку:

– Детка, да я прикалываюсь. Но, надеюсь, ты просто пошутила с тем диалогом? Он на самом деле очень плох, Поппи.

Алерия многозначительно прочищает горло:

– В принципе, у меня бы он заработал. – Она пожимает плечами. – Смотря по ситуации, само собой. Например, с суккубом. Но мы же договаривались, Жасмин, только конструктивная критика.

Та в ответ склоняет набок голову, словно говоря: «Ты вообще видела, что она написала? Кто-то же должен сказать ей правду». Я все понимаю, но сейчас приму любую помощь, конструктивную или нет.

– Алерия, а ты что можешь предложить? – спрашиваю я.

– Знаешь, у меня есть ароматическая свеча, которая может помочь сосредоточиться и найти зацепку для персонажей. – Она поворачивается к огромной сумке, которую всегда носит с собой. – Шалфей и конопля способны...

– Только попробуй зажечь здесь эту гадость, – возражает Дейша. – К тому же вряд ли это поможет Поппи.

– Дело даже не в том... Эта дрянь вообще не работает, – бормочет под нос Жасмин.

– Прошу прощения? – Алерия оборачивается к ней, слегка утрачивая свое спокойствие. Дейша громко щелкает пальцами, в зародыше прекращая спор, переходящий в проповедь:

– Эй, народ, а ну-ка сосредоточьтесь!

– Я как раз и пытаюсь помочь Поппи сосредоточиться, – бормочет Алерия.

Дейша, не обращая на нее внимания, поворачивается ко мне:

– Поппи, ты сама сказала, что тебе нужен секс. Так вот и займись им. Подцепи какого-нибудь парня, назовись чужим именем и покувыркайся с ним во всех немыслимых позах, с игрушками и всяким реквизитом, попробуй все, что могло прийти в голову твоим героям. Прогони все варианты – считай, что это писательское расследование.

– Класс! – кивает Бекка. – Я слышала, что появилось отличное приложение как раз для...

– Просто подцепить какого-то случайного парня? – Алерия в ужасе мотает головой. – Ни в коем случае! Это святотатство по отношению к женской магии, Поппи. Как можно допустить незнамо кого в священную пещеру твоей сущности?

– Какая еще «священная пещера»? – ухмыляется Бекка. – Пожалуй, использую этот пафос в своей следующей книге, «Глядя в глаза Мистера Икса».

– Со всей ответственностью заявляю, что это плохая идея. – Дейша явно приняла слова Бекки всерьез. – Какие еще соображения?

Подруги так и сыплют противоречивыми советами: сделай его альфа-самцом, сделай его сложнее, сделай его проще. Свяжи ее. Привяжи его. Выражайся нецензурно, не используй ненормативную лексику... и так далее. Кое-что из их советов годится для реальной жизни, а кое-что можно использовать только в книге.

Всем весело и, как ни странно, это помогает. Мы пишем в разных поджанрах, над какими-то идеями можно только поржать, но мы забавляемся. Давно я так не веселилась.

– Слушай, – предлагает Дейша, – твоя героиня может приставить пистолет к голове героя и заявить, что если она не кончит раньше него, то ему конец. Если она у тебя плохая девчонка, и он в наручниках – может очень даже неплохо получиться.

– Блин, это же совсем чернуха получится, – говорю я. – Я же пишу «Неприятности в Грейт-Фоллз», а не «Игру Сопрано».

– Ты права, – вступает Жасмин, – но мне тоже нравится идея добавить немного жести. Может, ввести ему чего-нибудь в кровь? Я бы использовала наниты, но это на мой вкус.

– Трудями микроскопических роботов честного оргазма не наживешь, – строго замечает Алерия, и мы все прыскаем со смеху.

Что поделат, мы с девчонками знаем, сколько усилий нужно приложить, чтобы тебя заметили в переполненном рынке любовных романов. К тому же половина их предложений – не настоящие советы, а попытка меня растормозить. Подруги надеются пробить мой писательский блок и снизить стресс от приближающегося дедлайна.

Не уверена, что это помогает. Посмеяться – это хорошо, однако при первом же взгляде на белый лист меня охватывает оцепенение. Но эмоциональная поддержка и ободрение все равно поднимают настрой, и я выхожу из библиотеки, чувствуя себя чуть лучше и надеясь, что сегодня вечером у меня хоть что-то получится.

Самый дельный совет дала под конец Алерия. Когда мы собирали вещи, она похлопала меня по плечу:

– Порой наша энергия влечет нас не теми путями, которые мы ожидали. Если твоя энергия сейчас не настроена на чувственность, пропусти пока эту сцену и пиши дальше. Вернешься к ней позже. В конце концов, именно для этого изобрели клавиши Ctrl+X и Ctrl+C.

Она права, давно надо было так сделать, но я упрямая. Еще не хватало, чтобы работа застряла из-за какой-то дерьмовой сцены. Мне надо думать о развитии характеров и ключевых моментах, которые выведут отношения Эмбер и Райкера на новый уровень. И тогда секс выйдет естественным.

– Выйдет естественным! – хихикаю я. – Ес-с-стесственным.

Мужчина, выгуливающий собаку, с удивлением смотрит на меня. Я отвечаю ему вызывающим взглядом: только посмей что-нибудь сказать. А что? Если женщина разговаривает сама с собой на улице, это не обязательно означает, что она трахнутая. По крайней мере, в этом смысле слова.

Да уж, комик из меня еще тот. Но мой перегруженный и залитый кофе мозг уверяет меня, что я настоящий гений с потрясающим чувством юмора. Надеюсь, мои поклонники с этим согласятся.

Глава 3

Коннор

Мой грузовичок Ford King Ranch заворачивает за угол в дальнем конце Мейплвуда – у меня встреча с моим посредником Хуаном Пабло.

Хотя я уже много лет ворую все что угодно, самого разного размера, цвета и формы, меня охватывает легкое беспокойство. Воры предпочитают, чтобы о их подвигах никто не знал. Но этот случай – особый. Сейчас важно, чтобы нужные люди поняли, кто я и что умею. От предстоящей встречи многое зависит: я должен доказать, что мои способности помогут завоевать положение в этой команде. Я работал на многих людей, но именно эта операция может открыть мне двери к успеху.

«Что, если все пойдет не так?» – шепчет тихий голос у меня в голове, но я заставляю себя не слушать его. Сейчас не время и не место для сомнений, учитывая, к чему может привести неудача. «Чистая работа и чистый уход» – вот девиз и задача любой моей операции. И эта не исключение.

Я стою на светофоре, телефон разрывается от звонков и сообщений. Я знаю, кто звонит, и не отвечаю, но сообщения продолжают сыпаться без остановки.

«Блин, мне предстоит опасное дело, я просто не могу отвлекаться на эту ерунду». Мне нужны сосредоточенность и ясная голова.

Надо было просто выключить телефон или хотя бы поставить на беззвучный режим, но какие-то жалкие остатки чувства долга, затаившиеся на дне моего высохшего сердца, заставляют ответить на звонок. Я и так игнорировал ее неделями.

Как-никак, она моя мать.

В раздражении от противоречивых эмоций, понимая, что мне сейчас некогда, я тихо рычу, заруливаю на ближайшую парковку и отвечаю на следующий звонок.

Прежде чем я успеваю выдать хоть звук, меня буквально сносит словесным потоком из уст моей матери, Дебры Бредли:

– Стало быть, ты решил все же со мной поговорить? После стольких недель полного молчания! Я, знаешь ли, сорок два часа мучилась, чтобы произвести тебя на свет. Если понадобится, могу исправить эту ошибку!

Сколько лет я все это слышу... Когда она наконец замолкает, чтобы перевести дух, я небрежно отвечаю:

– Закончила? А то я стою на подозрительной парковке, и какой-то мужик смотрит на меня так, будто я мешаю ему дышать.

Никакого мужика рядом нет. И вообще это вполне приличный район. Но я слышу, как мать негромко ахает, и знаю, что слегка приглушил ее запал.

Дальше она говорит уже мягче и по делу:

– Постыдился бы, Коннор. Ты же вообще перестал общаться с семьей. Твоя сестра собирается замуж, и мне хотелось бы, чтобы ты познакомился с ее женихом Эваном до свадьбы. Она хочет, чтобы ты одобрил ее выбор.

Я что-то невнятно бурчу, но надо признать, что огорчение матери действует на меня куда сильнее, чем ее гнев. Это именно то, чего я так старался избежать. Надо честно признать, отношения в моей семье больше всего напоминают пожар в мусорном баке. Все это длится не первый год, и я не один в этом виноват.

Кейли, моя младшая сестра, хочет, чтобы ее жениха одобрил именно я, а не наш отец. Это только подливает масла в тлеющий костер и снова злит. Меня охватывает ярость: похоже, мой папаша, как всегда, не справляется со своими обязанностями. Но раз никто, кроме меня, не может одобрить выбор сестры, придется мне это делать.

Как обычно.

Черт бы побрал остатки родственных чувств, еще тлеющие в сердце. Какой бы я ни был сволочью, когда начинаются проблемы, именно я беру на себя ответственность и делаю то, что нужно семье. Особенно, когда папаша не может... или не хочет:

– Объясни, в чем дело.

Мать явно довольна, что я решил взять дело в свои руки, но одновременно ее злит, что отец слинял от ответственности:

– Кстати, должна тебя предупредить, что на свадьбе будут Одри с Йеном.

Я даже на расстоянии вижу, как она раздраженно закатывает глаза.

Если моя семья – это «пожар в мусорном баке», то отношения матери с ее сестрой Одри скорее напоминают ядерный взрыв. Понятия не имею, с чего начался их конфликт, но я, Кейли и мой двоюродный брат Йен с самого рождения заложники этой ситуации.

Мы всегда были не столько детьми, сколько достижениями, которыми беззастенчиво хвастались, и неудачами, на которые публично и ехидно указывали. Успехи в учебе? Надо отметить гордым постом в соцсетях. Кейли выбрали королевой выпускного бала? Ну, тут несколькими комментариями не обойдешься.

Я был подростком, когда меня замели за мелкое воровство, и тетушка Одри чуть ли не транспаранты по всему городу развесила. С ее точки зрения я представлял общественную опасность и меня нужно было запереть в клетке и вдобавок кастрировать, чтобы я не испортил генофонд.

Вот с тех пор мамуля и взяла на себя задачу доказать Одри, что я не какая-то там паршивая овца. Вот только проблема в том, что я такой и есть. Поэтому и держусь от нее подальше и вообще стараюсь поменьше контактировать с родней.

Но Кейли никогда не простит, если я не приду на ее свадьбу. Тем более я не могу объяснить, что это для ее же блага. На чувства семьи мне плевать, но что-то человеческое во мне еще живо, и я не хочу разбить сердце младшей сестрички.

Впрочем, сейчас мне нужно думать о другом.

– Мам, у меня встреча, я тебе потом перезвоню.

Она наверняка подумает, что это я про того неизвестного мужика на парковке, но я специально ничего не объясняю.

– Коннор, послушай...

Окончания фразы я уже не слышу, потому что сбрасываю вызов и от досады перевожу телефон в «режим полета». Сейчас нервирующие звонки ни к чему. Скоро мне придется принять решение, и это будет непросто. Единственный правильный поступок – не ходить на свадьбу сестры, но это означает окончательно сжечь все мосты. Для Кейли я все равно что умру.

Для нее самой было бы лучше порвать отношения со мной, но ее и так слишком часто все бросали, особенно наш отец, и мне не хочется стать очередным предавшим ее человеком. Надеюсь, Эван тоже ее не предаст. Я еще с ним не познакомился, не смерил взглядом и не решил, что с ним делать: пожать ему руку, сломать ему руку или прикопать парня где-нибудь в неглубокой могилке.

Придется пойти на свадьбу, хотя бы чтобы познакомиться. Но я не уверен, что даже ради Кейли смогу высидеть всю церемонию, как пай-мальчик.

Таймер телефона напоминает, что пора пошевеливаться, и я снова выезжаю на дорогу. Минут через пять я уже паркуюсь у заброшенного склада в промзоне. На самом деле местечко

лучше, чем могло бы быть, и большинство зданий используются. Но этот склад служит только... временно.

Мой контакт ждет меня снаружи. Высокий черноволосый мужчина, что-то неуловимое выдает в нем европейца. Может, дизайнерская сигарета, которая наверняка пахнет какой-то дрянью. Может, зализанные черные волосы или костюм – скроенный точно по фигуре и малость облегающий. Такие не носят ни в Мэйплвуде, ни вообще в Штатах.

Но хотя Хуан Пабло и выглядит как жиголо, с ним лучше не связываться.

– Привет, Хуан. – Я выхожу из машины. – Как дела?

Он глубоко затягивается и выдыхает облако серого вонючего дыма. Я напоминаю себе держаться с наветренной стороны.

– Черт побери, почему американцы так любят пикапы?

Я пожимаю плечами и прислоняюсь к борту машины:

– Таков наш национальный характер. Какие планы?

ХП достает из кармана старомодный манильский конверт и протягивает мне. Я заглядываю внутрь и вижу ламинированный пропуск, какие-то документы и несколько машинописных страниц – скорее всего, информация, необходимая для работы.

– Предстоит официальный обед, – поясняет ХП. Не с тем, чтобы меня задеть – он отлично знает, что я и сам могу прочитать инструкции, просто у него такая привычка. – Будет выступать какая-то знаменитая писательница.

Я пролистываю бумаги и киваю:

– А что за произведение искусства?

– Твоя цель – картина, которую она принесет на встречу. – ХП показывает рисунок на обороте листа. – У тебя пропуск охранника частной фирмы. Делаешь свое дело и привозишь объект мне.

Я киваю, продолжая просматривать документы, как вдруг одна строчка бросается в глаза:

– Подмена?

ХП кивает.

Черт бы все побрал. Я заработал свою репутацию тяжелым трудом. Я не банальный грабитель, и люди, нанимающие меня, уверены, что все будет сделано аккуратно и без шума... После меня не остается никаких следов... кроме исчезнувших предметов. Но подмена – это совсем другое дело.

Кража – что-то вроде фокуса с кроликом из шляпы, когда основная задача – не дать людям заметить, что кролик все время сидел под столом. Подмена – это когда тебе нужно заставить аудиторию поверить, что котенок – это кролик, только потому, что оба белые и пушистые.

Но ХП лишь пожимает плечами, словно стащить картину посреди официального обеда, когда вокруг куча любопытных людей, – плевое дело:

– Так ты сможешь?

Похоже на завуалированный вызов.

– Нужна дополнительная подготовка, кое-какие прикидки, – спокойно отвечаю я. – Хотелось бы улизнуть из отеля прежде, чем пропажу заметят.

– С этим я могу помочь.

ХП исчезает в здании склада и минуту спустя возвращается с футляром, напоминающим одновременно чемодан и дорожную сумку. Мне уже приходилось пользоваться такими для картин в рамах. Снаружи они ничем не примечательны, но внутри выложены шелковистым материалом, чтобы защитить полотно. – Здесь подмена.

Я открываю сумку и присвистываю. Разумеется, «Черная роза» – не самый известный в мире шедевр. Эта честь принадлежит «Моне Лизе», и даже я не возьмусь украсть эту дамочку.

Но «Черная роза» хорошо известна и стала особенно популярна в последние годы, когда эта писательница с обеда Джей Эй Фокс купила ее на аукционе и стала повсюду расхваливать.

Несомненно, картина имеет ценность, которую еще больше взвинтил тот факт, что она легко узнаваема.

Подделка выглядит отлично.

– Передай мои комплименты художнику, – тихо говорю я, но мой тренированный глаз видит мелкие неточности.

Они почти незаметны, но они есть: едва заметная разница в цвете, несовершенства процесса состаривания картины, а главное – в ней нет «души» оригинала.

Впрочем, мне по фиг. Искусство – моя работа, а не страсть, и мне всегда казались бездушными люди, которые платят миллионы за комочки краски на холсте, когда другие страдают и умирают от голода или отсутствия лекарств.

Все это не мешает мне видеть мастерство художника и красоту его работы. На то я и профессионал.

– Как вашим ребятам это удалось?

Мой вопрос звучит как небрежный комплимент Хуану и его организации. Но мне на самом деле интересно, кто в наших краях может так быстро выполнить настолько сложную работу. В моей профессии такой контакт совсем не помешал бы.

ХП пожимает плечами:

– Понятия не имею. Я такой же мальчик на побегушках, как и ты. Ты же знаешь, у Босса нас целая армия, и мы все выполняем его задания.

Он шевелит пальцами, словно управляя невидимыми марионетками. Я усмехаюсь про себя: я-то знаю, что Хуан никакой не мальчик на побегушках, он правая рука Босса, и ему регулярно поручают серьезную работу. Но он любит преуменьшать свое значение – ему нравится, когда его недооценивают.

Я такую ошибку не совершу, и уж точно не стану недооценивать его начальника. Босс – это загадка в стиле популярных комиксов, человек, про которого говорят шепотом и которого почти никто не знает. Словно невидимый осьминог, он опутал своими щупальцами весь местный криминальный мир. Даже какой-нибудь мелкий букмекер не посмеет чихнуть без разрешения Босса.

Но особенно он известен воровством произведений искусства. Подделки, кражи, контрабанда... Если речь идет о предметах искусства из США или как-то связанных с США, без Босса точно не обошлось.

Мне не по душе, когда меня называют мальчиком на побегушках, но сейчас не время и не место для споров.

– Ну что, сойдет? – интересуется ХП, которому далеко до моих познаний в искусстве. – Никто не заметит подмену?

Я снова осматриваю картину, напевая себе под нос. Я-то знаю, что это копия, но людей в нашем штате, которые смогут распознать подделку, можно пересчитать по пальцам. Пожалуй, главный куратор музея, один из профессоров факультета искусств нашего университета. Может, еще пара человек. Но даже им придется присмотреться повнимательнее.

– Сойдет. – Я выпрямляюсь и убираю документы обратно в конверт. – В конце концов кто-нибудь распознает подделку, но к тому времени я уже буду далеко, а оригинал окажется в жадных лапах Босса.

– Ты не в том положении, чтобы рассуждать, у кого жадные лапы, а у кого – нет. – Хуан прищуривается. – Не забывай, для тебя это очень важная работа. Если справишься и Босс будет доволен, без награды не останешься. Но только если не станешь его оскорблять.

Это звучит как неприкрытая угроза. Кем бы ни был Босс, у него везде есть глаза и уши. Если человек плохо о нем отзывается, то быстро оказывается на задворках преступного мира и становится легкой добычей для полиции.

О тех же, кто серьезно насолил Боссу, вообще никто не говорит. Скорее всего потому, что об их исчезновении мало кому известно. Провали я это задание, и где-то в мастерской художник будет рисовать очередную подделку моей кровью. Босс любит такие мелодраматические жесты.

Очень многие сломались бы под таким прессингом или отказались от задания.

Но я готов принять вызов.

– После обеда позвоню.

Я убираю поддельную «Черную розу» обратно в сумку. Разговор окончен, я сажусь в машину и уезжаю, обдумывая на ходу, что еще нужно для подготовки к работе.

* * *

Для встречи с писательницей подготовили банкетный зал в одном из лучших отелей города. Думаю, именно здесь мог проходить мой выпускной вечер в школе. Я на него не пошел. К тому времени я уже был отпетым хулиганом. Но в детстве мне доводилось бывать здесь с родителями, когда их приглашали на разные корпоративные или благотворительные мероприятия. Родители тогда еще старались, чтобы я произвел хорошее впечатление в нужных кругах.

Так что... давненько это было. Но мои приготовления прошли без сучка без задоринки, и сейчас я проверяю, не осталось ли пыли на черном костюме. Все вроде в порядке, хотя брюки и рубашка на пуговицах – не самая привычная одежда для моей профессии. Не верьте Пирсу Броснану в «Афере Томаса Крауна» – грабить музеи в элегантном костюме не так уж удобно. Да и ноги уносить куда легче в кроссовках, а не в оксфордах со скользкой подошвой.

Напоследок я еще раз обхожу по периметру зала, мысленно отмечая расположение распределительных щитов и выходов. Все так, как я и предполагал, и я могу сделать последние приготовления без помех. Другие охранники бросают на меня суровые взгляды, но все мы – всего лишь наемные мускулы, и никто не настроен поболтать о детстве, завести дружбу или пропустить кружечку пива после мероприятия. Любые разговоры – коротко, четко и только по делу. Все высматривают потенциальные угрозы, и никому не приходит в голову, что главная угроза в этом зале – я.

Закончив обходить периметр, направляюсь к сцене, поближе к моей цели. Я здесь уже побывал и спрятал нужное в складках удачно расположенного занавеса, но хочу еще раз все проверить. Слишком много дел срывалось только потому, что кто-то в последний момент решил, что вот эту вазу нужно переставить, а экран проектора должен быть не здесь, а вон там.

Но со мной такого не случится, я готовлюсь к работе с маниакальной одержимостью. Тем не менее даже мое холодное сердце екает, когда я вижу оригинал картины вблизи. Вот она, настоящая «Черная роза». Это прекрасный портрет печальной женщины, на плечах которой словно лежат все горести мира. Она задевает какую-то струну в моем сердце. С горькой иронией я осознаю, что сочувствую этой незнакомке. Леди, я прекрасно вас понимаю.

«Некогда раскисать», – напоминаю я себе. Я здесь по делу, и печальной даме придется налаживать жизнь вдали от зрителей. Я заканчиваю осмотр и, видя, что в зале появляется больше персонала, мысленно делаю поправки по времени.

Работа предстоит нелегкая. Мне еще не приходилось проворачивать дела в зале, полном людей, под пристальными взглядами охранников. Но мне это по плечу.

Я должен это сделать.

Тут открывается боковая дверь и входит средних лет женщина в черном платье. Седые волосы собраны в пучок, очки украшены стразами. Она сама элегантность, но улыбается тепло и искренне. Она здесь среди своих, все в зале – поклонники Джей Эй Фокс. Согласно моим

инструкциям, это та самая писательница, которая устраивает обед. Она направляется прямо к сцене, на ходу разговаривая с сопровождающей ее помощницей:

– Все готово?

– Да, мэм. Книги разложены, коробка с тонкими маркерами, ручки с синими чернилами уже на столе. «Черная роза» на сцене.

Я отступаю назад, безликий и незаметный для гостей, просто человек из персонала. Это как эффект зеленой краски, которой Дисней скрывает из виду двери. Только костюм на мне черный, а не цвета детской неожиданности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.